

Т. А. Богумил¹

Алтайский государственный педагогический университет

БЕЛОВОДЬЕ: ЛЕГЕНДА, МИФОЛОГЕМА, БРЕНД²

В статье систематизируются сведения о Беловодье. Легенда, возникшая в конце XVIII века в связи с гонениями на старообрядцев после Раскола, более века выполняла информационную и агитационную функцию, побуждая крестьян к бегству на Алтай и далее. Проникнув в литературу в конце XIX века, Беловодье становится продуктивной мифологемой, задающей проблематику, сюжет и систему образов в художественных произведениях. В культуре последних десятилетий идея «земного рая» выхолащивается, слово «Беловодье» тиражируется, все более отчетливо приобретает статус «ментального продукта» – бренда.

Ключевые слова: Беловодье, Алтай, Бухтарма, старообрядчество, «деревенская проза», традиционализм в литературе, В. Н. Токмаков.

T. A. Bogumil

Altai State Pedagogical University

BELOVODIE: A LEGEND, MYTHOLOGEME, BRAND

The article systemizes information about Belovodie. The legend that arose at the end of the XVIII century in connection with the persecution of the Old Believers after the Split, carried out the information and agitation function, prompting the peasants to flee to the Altai and beyond for more than a century. Penetrating into literature at the end of the XIX century, Belovodie becomes a productive mythologeme, which sets the problems, the plot and the system of images in works of art. In the culture of recent decades, the idea of "earthly paradise" is being diluted, the word "Belovodie" is being replicated, increasingly acquiring the status of a "mental product" – a brand.

Key words: Belovodie, Altai, Bukhtarma, Old Believers, "village prose", traditionalism in literature, V. N. Tokmakov.

¹ Татьяна Александровна Богумил – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул). E-mail: tbogumil@mail.ru.

² Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Легенда о Беловодье играет весьма существенную роль в истории освоения Сибири восточнославянскими народами. Социально-утопическая идея о праведной и обильной «далекой вольной земле» на востоке Российской империи, куда может попасть любой, знающий тайную дорогу, более века выполняла не только информационную, но, главное, побудительную функцию, стимулируя миграционные процессы [Чистов, 2003, с. 448-449; Дутчак, 2006].

Сведения о Беловодье складываются из устных сказаний, из рукописных тайных листков – «Путешественников»¹ Марка Топозерского (севернорусская редакция) и инока Михаила (вторая и третья, сибирская, редакции), из судебных документов [Чистов, 2003, с. 427-447; Мамсик, 1982]. Легенда о Беловодье возникает в конце XVIII – начале XIX века как старообрядческий вариант известных многим народам мира легенд о «далекой земле» и «золотом веке» [Чистов, 2003, с. 11]. Семантическое «ядро» легенды – представление о благословенной стране, где сохранились «истинное» священство и дониконовская обрядность, куда нет доступа Антихристу и его слугам (царю, послениконовской церкви, администрации, войскам) [Чистов, 2003, с. 9]. Это представление связано не только с определенным старообрядческим согласием («бегунов») [Чистов, 2003, с. 280, 291-291], но принадлежит всем староверам [Мальцев, 1996, с. 13] и русскому крестьянству в целом [Покровский, 1980, с. 121; Чистов, 2003, с. 318].

Легенда, по-видимому, не существовала в законченном виде, реально существуя в «дочерней» форме «слухов» и «толков», устных и рукописных «меморатов» (воспоминание от 1-го лица) и «фабулатов» (рассказ в 3-ем лице) [Чистов, 2003, с. 9]. «Мерцающий» характер текста легенды проявляется в отсутствии устойчивого текста при сохранении узнаваемых деталей Беловодья – отдаленность и труднодоступность отграниченного локуса, праведность его насельников [Бахтина, 2001, с. 11].

Структурно-семантические параметры легенды, функционирующей как идеологическое основание и мотивация перемещений старообрядцев, определяются основными концептами конфессиональной миграции: «исход – дорога – обретение» [Дутчак, 2006, с. 86]. Е.М. Сморгунова обозначила изоморфизм начальной и

¹ Это «отнюдь не художественное произведение, не поэтическое изложение легенды, а листовка, призывающая идти в Беловодье, и одновременно памятка о том, как можно туда попасть» [Чистов, 2003, с. 288].

конечной точек пути староверов и древних иудеев. Исход евреев из египетского плена подобен исходу староверов из порабошающего царства Антихриста, Вавилона, в который превратилась Святая Русь после церковных реформ. Финальная точка пути – Земля Обетованная для иудеев, Беловодье или Китеж для староверов – суть идеальное, в физическом и духовном измерениях, пространство [Сморгунова, 1998, с. 178]. Дорога, удачно обозначенная Е.Е. Дутчак как маршрут «Вавилон – Беловодье» [Дутчак, 2006, с. 91], ведет из Москвы через Казань, Екатеринбург, Тюмень, Барнаул, Бийск («Избенск») в Алтайские горы, где в долинах рек Бухтарма и Уймон (верховья р. Катунь) были алтайские старообрядческие поселения. Собственно, происхождение легенды о Беловодье увязывается с существованием вольной крестьянской общины бухтарминских «каменщиков» (т.е. «горцев»), находившейся вне государственного контроля вплоть до 1791 г. Во 2-й пол. XVIII в. Беловодьем называли Бухтарминскую и Уймонскую долины [Чистов, 2003, с. 307-308; Покровский, 1980, с. 131]. После официального вхождения общины в состав России «закончилась история реального Беловодья и началось ее мифическое продолжение» [Дутчак, 2006, с. 87], в результате чего маршрут продлился дальше на восток через Китай к берегам моря, где на островах в «Опонском» (Японском) государстве расположен искомый «рай» на земле.

Крестьянское «царство божие» не имеет достаточно определенных характеристик государственного, политического, религиозного, общинного, семейного устройства [Чистов, 2003, с. 292]. Его отличают типичные для «утопий места» (Е. Шацкий) черты: отдаленность (на краю земли, на берегу моря) и отграниченность (за горами, лесами, морем, на острове), обеспечивающие независимость от государства, «выключенно[сть] из сферы действия дурных социальных закономерностей»; суровая, но изобильная природа; отсутствие социальной иерархии, светской власти, налогов, войн, рекрутчины; вольная жизнь по «божецкому закону» под ненавязчивым и справедливым управлением древлеправославных духовных властей. Населен «земной рай» сбежавшими от религиозных преследований выходцами из России и западных стран. Первыми русскими жителями Беловодья стали старообрядцы, ушедшие от гонений после подавления Соловецкого восстания (1667–1676). Беловодье как оплот «древлего благочестия» смыкается со старообрядческой рецепцией града Китежа, сокрывшегося не от Батыя (так в изначальной версии легенды XIII в.), но от никоновского владычества, и напоминающего об истинной вере звоном колоколов. Проникнуть в заповедную страну может не каждый,

а только истинно верующий, тот, кто не нарушит беловодские порядки «антихристовыми» нововведениями [Чистов, 2003, с. 293-294]. Поскольку образ легендарной страны, скорее всего, генетически восходит к представлениям о потустороннем мире [Чистов, 2003, с. 297; Пропп, 2000, с. 241-255], не удивительно, что попасть в Беловодье можно через смерть. В народной молве, согласно В.Г. Короленко, пропавшие без вести странники достигли искомой счастливой страны и остались в ней [Хохлов, 1903, с. 8].

Семантика топонима «Беловодье» объясняется, во-первых, белой окраской притоков верхней Катуня, стекающих с «белков» (горных ледников), а также белой пеной горных рек Алтая [Чистов, 2003, с. 307]. Во-вторых, существенным является употребление, начиная с XVI века, прилагательного «белый» в значении «чистый, свободный от чего-либо, вольный», без податей и повинностей, ничейный [Чистов, 2003, с. 311-312]. Наконец, философское прочтение белизны П.А. Флоренским позволяет понять символику Беловодья во всей его метафизической глубине: «"Белый свет" есть только обозначение света как такового, чисто аналитическое прочтение его цельности. Он <...> – полнота, в нем нет никакой односторонности, ибо всякая односторонность происходит от препятствий; нет в нем никакого ущерба, никакого ограничения» [Флоренский, 1993, с. 313]. В «сакральной географии» белизна сопрягается с божественными категориями света-сияния и святости [Теребихин, 2004, с. 66-67].

Бытование легенды претерпело несколько этапов, выделенных К.В. Чистовым: (1) Конец XVIII – первая половина XIX века – возникновение легенды, первые поиски Беловодья, (2) 1850–1880-е годы – наибольшая активность в поисках обетованной страны, добавление в маршруте «апоньского» этапа, появление самозванцев (епископ «беловодского поставления» Аркадий), (3) Конец XIX – начало XX века легенда теряет информационно-побудительную функцию, становясь историческим преданием о том, как искали, но не нашли, либо нашли, но не попали, т.к. греховны¹ [Чистов, 2003, с. 318-320].

¹ Ср. с подобными трансформациями легенды о граде Китеже на рубеже XIX–XX вв.: «В это время идеология старообрядчества, господствовавшая в Керженских лесах с конца XVII в., претерпела кризис. "Тайна выдыхается, – писал В. Г. Короленко в 1900 г., – нитей, связующих два мира, видимый и невидимый, становится все меньше. Много народа припадает к берегам, чтобы услышать из глубины святой звон невидимого града. И не

Последним упомянутым исследователем путешествием в поисках Беловодья является предпринятая в 1898 году и, само собой, безуспешная экспедиция группы уральских казаков, за четыре месяца побывавших на Ближнем Востоке, на Цейлоне, в Сингапуре, Китае, Японии [Чистов, 2003, с. 303-304]. В 1903 году уральцы навестили Л.Н. Толстого в Ясной Поляне, дабы расспросить о посещении им Беловодья и принятии там сана. Понятно, что писатель их разочаровал [Чистов, 2003, с. 304]. Всплески агитационной функции легенды в локальных старообрядческих группах (уймонской, бухтарминской) имели место и позднее, в кризисные моменты советской истории (революция, Гражданская война, коллективизация, репрессии), «стимулировавшие обращение старообрядцев к привычным эсхатологическим и утопическим мотивам» [Савоскул, 2011, с. 211]. В XX веке «дочерние» рассказы легенды дополнились новыми персонажами и деталями. В Беловодье якобы побывала экспедиция Н.К. Рериха, в доказательство чего упоминаются сделанные там фотографии, привезенные оттуда предметы (рубаха, скатерть), встреча с «беловодским мужиком» [Савоскул, 1983, с. 99]. Путь в чудесную страну, расположенную на оз. Лоб-Нор, знает некий капитан парохода [Савоскул, 2011, с. 206].

«Утопия места», как известно, нацелена на обретение справедливого мироустройства в реальном геополитическом пространстве. Воспринятая сквозь призму веры, искомая физическая реальность Беловодья постепенно замещается символическим пространством духовного опыта и нравственного выбора [Дутчак, 2003, с. 87, 91].

В русскую литературу легенда о Беловодье, по-видимому, проникает в конце XIX века: о ней писали И.П. Мельников-Печерский¹ (роман «В лесах», 1871), Д.Н. Мамин-Сибиряк («Три конца: уральская летопись», 1895), В.Г. Короленко (предисловие к брошюре Г.Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство», 1903; переписка с Л.Н. Толстым [Чистов, 2003, с. 327, прим. 99]). Знаковой темой Беловодье стало в научных и публицистических

слышат». <...> Образ невидимого града постепенно терял мистическую окраску, превращаясь в мечту, сказку, отлично сочетавшуюся с трезвым, практическим восприятием действительности» [Цит. по: Шестаков, 1995, с. 9].

¹ И.П. Мельников-Печерский был первым публикатором списка северно-русской редакции текста «Путешественника» в «Нижегородских губернских ведомостях» (1839) [Соколова, 1981, с. 121].

трудах областников: Г.Н. Потанина (статья «Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении», 1864) и Н.М. Ядринцева (статья «На обетованных землях», 1886; «Раскольничьи общины на границе Китая», 1886). Вероятно, от Потанина впервые услышал эту легенду Н.К. Рерих, впоследствии небезосновательно усмотревший истоки беловодческой легенды в буддийском сказании о Шамбале («Алтай – Гималаи», 1927; «Сердце Азии», 1929) [Савоскул, 1983, с. 93-98].

В литературе первой трети XX века наблюдается беспрецедентный всплеск интереса к беловодческой теме. Первая волна – романы А.П. Чапыгина «Белый скит» (1913), А.Е. Новоселова «Беловодье» (1917)¹, Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» (1 часть, 1917), очерки А.Е. Новоселова «У старообрядцев Алтая» (1913), Г.Д. Гребенщикова «Алтайская Русь» (1914) и др. Вторая волна – рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы» (1925)², повести Вс.В. Иванова «Бегствующий остров» (1925)³ и «Гибель Железной» (1927), А.А. Каравасовой «Золотой клюв» (1925), М.П. Плотникова «Беловодье» (1925), А.П. Платонова «Иван Жох» (1927), роман Е.Н. Пермитина «Капкан» (1928). Согласно наблюдениям Е.А. Папковой, в предреволюционных текстах 1910-х гг. акцентируется «мотив родительского наказа искать Беловодье», романы «Белый скит» и «Беловодье» завершаются достижением искомой святой земли, реальность чего, впрочем, условна, т. к. герои находятся в измененном состоянии сознания. В произведениях 1920-х гг. связи между отцами и детьми разрушены, «блудные дети» отправляются в путь, как правило, самостоятельно и на самом деле достигают некоего места, чье название намекает на Беловодье: Белый остров у Вс. Иванова, Бухтарминская долина у М.П. Плотникова, А.А. Каравасовой,

¹ В 1918 году, за несколько дней до ареста, в беседе с поэтом Г.А. Вяткиным А. Е. Новоселов признавался: «Мне очень хочется написать роман о трагической беспочвенности русской интеллигенции <...> ...название: “Китеж – град невидимый”. Вы понимаете – интеллигентская революционная романтика и её крах перед действительностью...». В романе о поисках Беловодья логика та же самая: старообрядческая мертвящая догма вытесняется осознанием ценности жизни, любви, семьи. См. анализ поэтики повести в: [Анисимов, 2005, с. 238-252; Ковтун, 2017, с. 53-63].

² См. характеристику жанровых особенностей рассказа в: [Беломытцева, 2009].

³ См. анализ роли легенды о Беловодье как «философского метатеста» повести в: [Папкова, 2009].

Л.И. Гумилевского, Вечный Град-на-Дальней реке у А. Платонова [Папкова, 2011]. В финале романа Л.И. Гумилевского «Белые земли» (1930) герой, достигнув Бухтармы, вдруг с опустошительным ощущением бессцельности и бесплодности своего долгого пути узнает, что местные старцы ушли в тайгу, в скиты. Дескать, там Беловодье, а здесь святость утеряна. В романе В.Я. Зазубрина о коллективизации «Горы» (1933) герои тоже ищут и находят свое Беловодье – село Белые Ключи. Подобно предыдущим текстам, здесь праведность места подвергается сомнению, ибо населяют его люди со своими страстями, пороками и преступлениями. Утопические чаянья оборачиваются эсхатологией [Куляпин, 2012, с. 171-172]. Дальнейшие метаморфозы образ Алтая как благословенной страны¹ претерпевает в соцреалистическом романе Е.Ю. Мальцева «От всего сердца» (1948): «утратив идиллическую нетронутость, порочную – с советской точки зрения – невинность “золотого века”, миновав очистительный этап грозного вторжения Истории во время войны, он превратился в рай на земле, <...> колыбель нового человечества» [Куляпин, 2006, с. 54].

Во второй половине XX века Беловодье становится одной из ведущих мифологем в произведениях писателей-традиционалистов [Ковтун, 2017, с. 22]. В повести В. Г. Распутина «Прощание с Матерой» (1976), романах В.В. Личутина «Скитальцы» (1 книга 1974, 2 книга 1982), С.П. Залыгина «Комиссия» (1975) на первый план выходит эсхатологическая идея гибели обретенного было «земного рая» [Ковтун, 2015, с. 263-280; 539-569; 84-95]. Аналогичная логика характерна для В.М. Шукшина, хотя Беловодье и град Китеж как пространства должного и чаемого в его художественном мире отсутствуют. Сельский мир, локализованный, как правило, в Сибири, на Алтае, противопоставлен столичным Москве или Ленинграду, городам-Вавилонам. Алтай наделен признаками утраченного райского топоса [Богумил, 2017, с. 138-139], куда «блудный сын» неизменно стремится вернуться. Миф о Беловодье в литературе рубежа XX–XXI веков уже не столько связывается с природным пространством Алтая или Сибири, сколько превращается в концепт: «вплотнение русского мира, вобравши[й] святыни прошлого, малую родину, деревню и город, саму национальную историю со времен Грозного и вплоть до конца XX столетия» [Ковтун, 2015, с. 189].

¹ Слово «Беловодье» в романе не употребляется, но сохраняется отождествление Алтая с топосом Эдема.

В современной культуре эти смыслы во многом утрачены. Беловодье стало достоянием псевдонаучных и квазимистических спекуляций, коммерческим ходом массовой и сетевой литературы, медиапроектов¹, удачным туристическим брендом. Понятно, что особенно привлекательным этот образ является для писателей с Алтая и Сибири. К примеру, Беловодье возникает в стихах Г.В. Кондакова, В.Р. Куницына, Ю.М. Ключникова, Ю.И. Жильцова, в книге новелл и легенд Л.М. Козловой «Алтай-Алтарь» (Бийск, 2010) [Непомнящих, 2015].

Одно из последних художественных воплощений легендарной страны осуществлено в романе В.Н. Токмакова «Запретная книга Белого Бурхана» (Барнаул, 2017). Весьма эрудированный автор «играет» в поиски заповедной страны, манипулируя впечатляющим количеством слухов, толков, баек, сложившихся вокруг Беловодья к сегодняшнему дню. Достигнув «дна» своей жизни, герой устремляется в путь к лучшей доле, имея на руках приблизительную карту маршрута (рис. 1).

¹ Серил «Беловодье. Тайна затерянной страны» (реж. Е. Бедарев) планируется к выходу на экраны в 2018 году.

Рис. 1.

При помощи проводников (капитан парохода, джек-лондовские охотники, Лама), пережив серию инициационных смертей и возрождений, герой проникает в «земной рай». Приметы «Бурханостана» заметно модернизированы:

«Когда-то в Долине жили староверы, искавшие сказочное Беловодье. Место уникальное и аномальное: микроклимат, невозможность обнаружить ни с воздуха, ни с земли. Пуп мира.

После революции сюда сбегали от советской власти. В 1928-м Николай Рерих во время своей экспедиции привез и передал для хранения древние книги, свитки, тексты, картины.

Государство Бурханостан окончательно сформировалось в 1950-60-е, когда стали приходиться диссиденты, интеллигенция, ученые, не согласные с советским строем. Тогда сюда еще можно было попасть

более менее свободно. Были проводники, которые знали путь. Потом что-то произошло – и дорога в Бурханостан закрылась. <...>

Теоретические работы семьи Рерихов, труды Потанина, Ядринцева “Сибирь как колония”, других областников, стали идеологией всего Бурханостана» [Токмаков, 2017, с. 185].

Не ведая того, герой пронес с собой «маячок», вследствие чего правительственные войска смогли найти и разбомбить тайную страну. Достигнутая утопия оказалась уничтожена внешними силами. (Впрочем, идеальный мир под критическим взглядом героя и так проявлял черты симулякра). В данном сюжетном ходе В.Н. Токмаков следует традиции, сложившейся в творчестве писателей-традиционалистов. Далее намечена футурологическая программа: «Ты разрушил Бурханостан, ты его восстановишь», – предсказывают герою [Токмаков, 2017, с. 214]. Мрачная ирония сквозит в последней фразе романа: «И первое, что мы сделаем теперь – настоящую бомбу. Потому что бомба в руках Бога – это и есть Свобода» [Токмаков, 2017, с. 216]. Как видим, эта радикалистская перспектива Беловодья «с кулаками» далеко ушла от благолепного идеала старообрядцев. Утопия мутирует в антиутопию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции / К.В. Анисимов. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – 304 с.

Бахтина, О. Н. Проблемы изучения миграции старообрядцев (Сибирь и Дальний Восток) / О.Н. Бахтина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2001. – Т. 2. – С. 8-14.

Беломытцева, Л. А. Рассказ В.Я. Шишкова «Алые сугробы» / Л.А. Беломытцева // Жизнь и творчество В.Я. Шишкова. – Барнаул: АКУНБ, 2009. – С.58-65.

Богумил, Т. А. Геопоэтика В.М. Шукшина / Т.А. Богумил, А.И. Куляпин, Е.А. Худенко. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2017. – 176 с.

Дутчак, Е. Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) / Е.Е. Дутчак // Вестн. РУДН. Сер. История России. – 2006. – № 1 (5). – С. 81-94.

Ковтун, Н. В. «Беловодский метатекст» в современной русской прозе (к постановке проблемы) / Н.В. Ковтун // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы,

жанровые формы XIX–XX веков. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 153-189.

Ковтун, Н. В. Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, мифопоэтика, контексты / Н.В. Ковтун. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 600 с.

Куляпин, А. И. Образ Алтая в литературе 1920–1940-х годов / А.И. Куляпин // Филология и человек. – 2013. – № 3. – С. 168-178.

Куляпин, А. И. Алтай в пространстве советской утопии / А.И. Куляпин, О.А. Скубач // Алтайский текст в русской культуре. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. – Вып.3. – С.46-54.

Мальцев, А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX века / А.И. Мальцев. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 268 с.

Мамсик, Т. С. Беловодцы и Беловодье (по материалам следственного дела о побеге 1827–1828 гг.) / Т.С. Мамсик // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 135-164.

Непомнящих, Н. А. Беловодье как «общее место»: современные литературные и иные интерпретации / Н.А. Непомнящих // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 190-202.

Папкина, Е. А. Легенда о Беловодье в творчестве Вс. Иванова / Е.А. Папкина // Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 29-37.

Папкина, Е. А. «Беловодье» Михаила Плотникова: русская литература 1-й трети XX века в поисках крестьянского рая / Е.А. Папкина // Сибирские огни. – 2011. – № 3. – С. 133-140.

Покровский, Н. Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет / Н.Н. Покровский // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 115-133.

Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 2000. – 336 с.

Савоскул, С. С. Н.К. Рерих и легенда о Беловодье / С.С. Савоскул // Советская этнография. – 1983. – № 6. – С. 88–101.

Савоскул, С. С. Легенда о Беловодье в XX столетии / С.С. Савоскул // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2011. – С. 203-211.

Сморгунова, Е. М. Библейский Исход и рассеяние русских староверов: некоторые изоморфные черты / Е.М. Сморгунова // От

бытия к Исходу: отражение библейских сюжетов в славянской и еврейской народных культурах. – Москва: ГЕОС, 1998. – С. 150-189.

Соколова, В. Ф. П.И. Мельников (Андрей Печерский): очерк жизни и творчества / В.Ф. Соколова. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. – 191 с.

Теребихин, Н. М. Метафизика Севера / Н.М. Теребихин. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2004. – 272 с.

Токмаков, В. Н. Запретная книга Белого Бурхана / В.Н. Токмаков. – Барнаул: Алтай, 2017. – 280 с.

Флоренский, П. А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Иконостас: избранные труды по искусству. – Санкт-Петербург: Русская книга, 1993. – С. 307-316.

Хохлов, Г. Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Г.Т. Хохлов; предисл. В.Г. Короленко. – Санкт-Петербург: Герольд, 1903. – 112 с. (Зап. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. 28. Вып. 1).

Чистов, К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд) / К.В. Чистов. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 539 с.

Шестаков, В. П. Эсхатология и утопия: очерки русской философии и культуры / В.П. Шестаков. – Москва: ВЛАДОС, 1995. – 208 с.

REFERENCES:

Anisimov, K. V. Problemy poehtiki literatury Sibiri XIX – nachala XX vekov: osobenno-sti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii / K.V. Anisimov. – Tomsk: Izd-vo TGU, 2005. – 304 s.

Bakhtina, O. N. Problemy izucheniya migratsii staroobryadtsev (Sibir' i Dal'niy Vostok) / O.N. Bakhtina // Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh. – Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2001. – Т. 2. – S. 8-14.

Belomyttseva, L. A. Rasskaz V. YA. Shishkova «Alye sugroby» / L.A. Belomyttseva // Zhizn' i tvorchestvo V.YA. Shishkova. – Barnaul: AKUNB, 2009. – S.58-65.

Bogumil, T. A. Geopoehtika V.M. Shukshina / T.A. Bogumil, A.I. Kulyapin, E.A. Khudenko. – Barnaul: Izd-vo AltGPU, 2017. – 176 s.

Chistov, K. V. Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend) / K.V. Chistov. – Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2003. – 539 s.

Dutchak, E. E. Put' v Belovod'e (k voprosu o sovremennykh vozmozhnostyakh i perspektivakh izucheniya konfessional'nykh migratsiy) / E.E. Dutchak // Vestn. RUDN. Ser. Istoriya Rossii. – 2006. – № 1 (5). – S. 81-94.

Florenskiy, P. A. Nebesnye znameniya (Razmyshleniya o simvolike tsvetov) / P.A. Floren-skiy // Florenskiy P.A. Ikonostas: izbrannye trudy po iskusstvu. – Sankt-Peterburg: Russkaya kniga, 1993. – S. 307-316.

Khokhlov, G. T. Puteshestvie ural'skikh kazakov v «Belovodskoe tsarstvo» / G.T. Khokhlov; pre-disl. V.G. Korolenko. – Sankt-Peterburg: Gerol'd, 1903. – 112 s. (Zap. Rus. geogr. o-va po otd-niyu ehtnografii. T. 28. Vyp. 1).

Kovtun, N. V. «Belovodskiy metatekst» v sovremennoy russkoy proze (k postanovke probleme) / N.V. Kovtun // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vekov. – Moskva: FLINTA: Nauka, 2015. – S. 153-189.

Kovtun, N. V. Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vekov: genesis, mifopoetika, konteksty / N.V. Kovtun. – Moskva: FLINTA: Nauka, 2017. – 600 s.

Kulyapin, A. I. Obraz Altaya v literature 1920–1940-kh godov / A.I. Kulyapin // Filologiya i chelovek. – 2013. – № 3. – S. 168-178.

Kulyapin, A. I. Altay v prostranstve sovetskoy utopii / A.I. Kulyapin, O.A. Skubach // Al-tayskiy tekst v russkoy kul'ture. – Barnaul: Izd-vo AltGU, 2006. – Vyp.3. – S. 46-54.

Mal'tsev, A. I. Starovery-stranniki v XVIII – pervoy polovine XIX veka / A.I. Mal'tsev. – Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 1996. – 268 s.

Mamsik, T. S. Belovodtsy i Belovod'e (po materialam sledstvennogo dela o pobege 1827–1828 gg.) / T.S. Mamsik // Istochniki po kul'ture i klassovoy bor'be feodal'nogo perioda. – Novosibirsk: Nauka, 1982. – S. 135-164.

Nepomnyashchikh, N. A. Belovod'e kak «obshchee mesto»: sovremennye literaturnye i inye in-terpretatsii / N.A. Nepomnyashchikh // Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vekov. – M.: FLINTA: Nauka, 2015. – S. 190-202.

Papkova, E. A. Legenda o Belovod'e v tvorchestve Vs. Ivanova / E.A. Papkova // Filologicheskie nauki. – 2009. – № 5. – S. 29-37.

Papkova, E. A. «Belovod'e» Mikhaila Plotnikova: russkaya literatura 1-y treti KHKH veka v poiskakh krest'yanskogo raya / E.A. Papkova // Sibirskie ogni. – 2011. – № 3. – S. 133-140.

Pokrovskiy, N. N. K postanovke voprosa o belovodskoy legende i bukhtarminskikh «kamen-shchikakh» v literature poslednikh let / N.N. Pokrovskiy // *Obshchestvennoe soznanie i klassovye otnosheniya v Sibiri v XIX-XX vv.* – Novosibirsk: Nauka, 1980. – S. 115-133.

Propp, V. YA. Istoricheskie korni volshebnoy skazki / V.YA. Propp. – Moskva: Labirint, 2000. – 336 s.

Savoskul, S. S. N.K. Rerikh i legenda o Belovod'e / S.S. Savoskul // *Sovetskaya ehtnografiya.* – 1983. – № 6. – S. 88-101.

Savoskul, S. S. Legenda o Belovod'e v KHKH stoletii / S.S. Savoskul // *Fol'klor i ehtnografiya. K devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya K.V. Chistova.* – Sankt-Peterburg: MAEH RAN, 2011. – S. 203-211.

Shestakov, V. P. Eshkhatologiya i utopiya: ocherki russkoy filosofii i kul'tury / V.P. Shestakov. – Moskva: VLADOS, 1995. – 208 s.

Smorgunova, E. M. Bibleyskiy Iskhod i rasseyanie russkikh staroverov: nekotorye izomorfnye cherty / E.M. Smorgunova // *Ot bytiya k Iskhodu: otrazhenie bibleyskikh syuzhetov v sla-vyanskoy i evreyskoy narodnykh kul'turakh.* – Moskva: GEOS, 1998. – S. 150-189.

Sokolova, V. F. P.I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): ocherk zhizni i tvorchestva / V.F. Sokolova. – Gor'kiy: Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, 1981. – 191 s.

Terebikhin, N. M. Metafizika Severa / N.M. Terebikhin. – Arkhangel'sk: Izd-vo PGU, 2004. – 272 s.

Tokmakov, V. N. Zapretnaya kniga Belogo Burkhana / V.N. Tokmakov. – Barnaul: Altay, 2017. – 280 s.